

О Райкине из-за кулис

Без улыбки на Аркадия Райкина не ходят. Такая уж у него слава—улыбчатая. Во время его спектаклей каждую минуточку зал, переполненный зрителями, взрывается аплодисментами. И так до последней миниатюры, до последнего поклона артиста.

И зритель заранее знает, что будет весело, и заранее улыбается. Ну, а каков Райкин там, где его не видит зритель? За кулисами театра, по ту сторону аплодисментов?

— Второй звонок, второй звонок,— прокричала помощница режиссера, и актеры устремились за кулисы. Из артистической уборной вышел Райкин и, приветливо улыбаясь, направился по коридору мне навстречу. Я тоже заулыбался, но артист прошел мимо, даже не посмотрев в мою сторону. Кому же улыбался Райкин?— в коридоре никого больше не было.

— Да никому,— ответила на мой вопрос Руфина Рома, жена Райкина и актриса театра.— Просто он уже был на сцене, далеко-далеко от вас.

Прозвенел третий звонок, и я поднялся за кулисы. Все были в сборе— и актеры и рабочие сцены, и режиссер. За закрытым занавесом слышался шум зрительного зала. Последние мгновения перед спектаклем. Звучит увертюра. Кажется, все за сценой должно застыть в тревожном ожидании. Но актеры, сбившись веселой группой, уже готовые шагнуть к рампе, спешат досказать друг другу недосказанные новости.

И лишь у правой кулисы молчаливо стоит красивый человек с седой прядкой в черных волосах. Аркадий Райкин. Он делает несколько балетных па, выпивает глоток воды и тревожным взглядом окидывает кулисы: все ли в порядке. Незадолго до спектакля он говорил мне, что перед каждым выходом на сцену волнуется, как перед первым дебютом. Тогда я не совсем поверил Райкину, а сейчас увидел, что это действительно так. Вероятно, волнение его оттого, что он не только «первая скрипка» в театре, но и дирижер. И потому, наверно, не волнуются артисты, что волнуется Райкин.

Он говорил мне, что это волнение исчезает с первым шагом на сцену. Сказано, очевидно, это было не буквально, но я невольно обратил внимание на первый шаг. Он быстр и уверен, этот шаг навстречу сотням пар внимательных глаз. Зритель подготовлен к встрече заранее— он знает, что Райкин не может подвести. Такое предположение зрителя у иного актера породило бы самоуверенность: зритель любит—зритель простит. У иного, но не у Райкина. Мне рассказывали, каким строгим бывает этот в общем очень добрый человек на репетициях. Строгим к себе и строгим к другим.

Но зато никто в театре не умеет так искренне и зажигательно радоваться успеху товарища. Я видел,

как он сидел за закрытым занавесом перед очередной миниатюрой. На авансцене два молодых актера разыгрывали веселый скетч. В зале смеялись—это было естественно. Но совсем неожиданным было в этот момент поведение Райкина. Откинувшись на спинку кресла, он заливался беззвучным смехом, как самый обыкновенный зритель. Через секунду его выход, а он никак не мог успокоиться и только повторял сквозь приступы смеха: «Молодцы-то какие! Как здорово!»

Но вот занавес раскрылся, и Райкин преобразился. Его лицо уже совершенно не похоже на то, что было секунду назад. Только что был очень веселый человек, а здесь сидит тупой бюрократ. Способность Райкина перевоплощаться, совершать моментальные метаморфозы стала нарицательной. Особенно любят зрители, когда Райкин начинает работать с масками. Сколько раз мне приходилось слышать восторженные возгласы «Ну, как он это делает? Как?»

Как он это делает? Я думаю, что Аркадий Райкин не будет на меня в большой обиде, если я расскажу о том, что я увидел.

В одной миниатюре Райкин играл двух героев. Пожилого, интеллигент-

ного профессора и наглого разбитного чинушу. Причем, как только уходил один, моментально появлялся второй. Действие проходило на фоне ширмы, разрисованной под книжную долку. За этой широкой полукругом расселись незанятые артисты театра. У каждого в руках части костюма одного из героев. Райкин-профессор неторопливой походкой уходит за ширму. Райкин-актер бежит влодь ширмы, и на ходу на него надевают пиджак, вручают плащ, шляпу и портфель, прикрепляют парик, и вот уже Райкин-чинуша появляется на сцене. Я засекал по часам—на все превращение ушло две секунды. Но Райкин не был бы Райкиным, если бы он ограничивался чисто внешней стороной трансформации. За эти две секунды старый, немного наивный, чуть рассеянный и очень симпатичный ученый преобразился в молодого, наглого дурака. Внешне, голосом и внутренней психологией.

Райкин перевоплощается даже тогда, когда, казалось бы, в этом нет никакой необходимости. В той же миниатюре профессор и чинуша, наконец, встречаются за ширмой. Между ними идет диалог. Около полутора минут зритель не видит Райкина, а Райкин не видит зрителя. И эти полторы минуты артист продолжает играть. Играть не только голосом, но и каждым мускулом своего лица. Играть так, как будто он стоит у рам-

пы. После спектакля я спросил его, зачем он это делает, ведь зритель все равно не видит созданного им образа. «Но зато он его слышит»,—ответил артист.

Райкин не может не играть. Даже находясь за кулисами, он продолжает играть за тех, кто сейчас перед зрителем. Мне рассказывали, что однажды он даже упал точно так же, как это сделал актер на подмостках. Во время одной из миниатюр я стоял с ним у кулисы и смотрел на сцену. Оттуда раздавался оглушительный лай. Миниатюра называлась «Собаки». Вдруг рядом послышалось тонкое, визгливое тявканье. Я оглянулся. Конечно, никакой собаки не было. А тявканье продолжалось. Я посмотрел на Райкина. Вытянувшись вперед, весь напряжившись, он самозабвенно тявкал.

Потом повернулся и сказал: «Ну как они лают? Вот как надо!» И снова из-за кулис понеслось в общий хор собак тонкое и нахальное тявканье.

Потом я пошел в зрительный зал. Веселая атмосфера праздника захлестнула его до краев. И я подумал, что она не могла бы быть такой жизнерадостной и искренней, если бы не было всего того, что находится по ту сторону аплодисментов.

Михаил СТОЯНОВ.
(АПН).